
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК СИСТЕМНЫЙ ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

П.Г. Савина

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В настоящей работе автор задалась целью рассмотреть прежде всего глобальные факторы дестабилизации социально-политической обстановки в страхах исхода, обремененных экономическим кризисом, межнациональными вооруженными конфликтами. Автор использует в качестве индикаторов процесса миграционной активности населения, вынужденного оставлять территории и по разным мотивам перемещаться в страны со стабильными политическими режимами, эмпирические данные российских и зарубежных источников.

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, нестабильность, глобализация, частные военные фирмы, вооруженный конфликт, урегулирование.

Как утверждает специализированная литература, миграционные процессы лучше всего показывают взаимосвязь проблем обеспечения безопасности внутри России и на других уровнях (глобальном, международно-региональном, личностном). Они относятся к числу наиболее комплексных и актуальных для современного мира и тесно связаны с проблемой выбора пути развития на национальном и глобальном уровнях. Следовательно, требуется анализ соответствующей группы проблем с точки зрения возможности комплексного противодействия им в рамках соответствующей разновидности операций «переходного типа».

Несовершенство существующих моделей адаптации мигрантов во всем мире сопровождается резким ростом миграционных потоков из-за неравномерности демографического и социально-экономического развития разных стран. Это ведет к расколу даже наиболее стабильных обществ, росту экстремизма и преступности среди мигрантов, ксенофобии среди местного населения. Столкновение людей разных культур в ходе миграций способствует обострению «конфликта цивилизаций», чему красноречивым примером служат события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. [9].

По утверждению конфликтологов, международная миграция, со всеми ее гуманистическими плюсами, представляет определенную угрозу принимающей стороне. А нерегулируемая пространственная мобильность населения — опасна вдвойне, особенно если вектор массовых перемещений иноплеменных гостей направлен в приграничье.

О каких, собственно, угрозах идет речь? В чем опасность «великого переселения народов» для коренных жителей? Так, например, нерегулируемая государством миграция, по оценкам аналитиков спецслужб, чревата следующими угрозами:

— мирным захватом (экспансия) мигрантами определенных территорий и возможностью выдвижения претензий на создание национально-культурных и на-

ционально-административных автономий с последующим отделением этих территорий от России;

— обострением демографической ситуации в наиболее экономически благоприятных регионах страны за счет снижения доли коренных жителей в общей структуре численности населения этих регионов;

— обострением криминогенной обстановки, в частности, созданием и усилением этнических организованных преступных сообществ;

— обострением социальной и экономической обстановки в указанных регионах России и в целом по стране;

— обострением национальных, расовых и этнических противоречий в местах расселения мигрантов;

— ослаблением культурных и духовных устоев российского общества из-за привнесения мигрантами инородной культуры;

— обострением международной обстановки и подрывом международного авторитета России из-за неспособности контролировать и регулировать внешние миграционные потоки, проходящие через ее территорию в другие страны;

— использованием каналов миграции спецслужбами иностранных государств в ущерб безопасности и интересам России (переправка агентов, вербовка мигрантов, оказание влияния на формируемые национальные диаспоры, организации и преступные группы);

— увеличением количества преступлений, сопутствующих миграции;

— использованием каналов нелегальной миграции экстремистскими организациями в целях переправки своих эмиссаров, террористов, создания новых незаконных вооруженных формирований, получения скрытого дохода и других угроз» [3. С. 127—128].

В настоящей работе автор задалась целью рассмотреть прежде всего глобальные факторы дестабилизации социально-политической обстановки в страхах исхода, обремененных экономическим кризисом, межнациональными вооруженными конфликтами. Автор использует в качестве индикаторов процессов миграционной активности населения, вынужденного оставлять обжитые территории и по разным мотивам перемещаться в страны со стабильными политическими режимами, эмпирические данные российских и зарубежных источников. Мы намерены выявить закономерности формирования главных потоков пространственной подвижности населения под воздействием внешних неблагоприятных обстоятельств, с тем чтобы выработать рекомендации для управленческих структур, ответственных за принятие решений в сфере регулирования миграции.

Принимая к сведению реестр упомянутых потенциальных угроз, хотелось бы прежде всего обратить внимание на вполне сложившуюся реальную угрозу, которую несут «внесистемные акторы международного права» (1), формально подпадающие под классификацию «легальной» и «трудовой миграции», специфика которой носит дестабилизирующий характер, поскольку природа «узких специалистов» из ЧВОП (2) — подрыв безопасности национальных государств.

Видный российский военный эксперт генерал-полковник Леонид Ивашов вполне обоснованно опасается противодействия национальным интересам РФ со сторо-

ны «частных военных корпораций», действующих по всему миру. «Насколько нам известно, — отмечает он в интервью популярному еженедельнику, — сегодня существует более двухсот крупных фирм, которые сначала позиционировали себя как частные охранные структуры, но поскольку туда входят и люди из спецслужб, и разведки, и информационных, и даже финансовых диверсий, эти структуры, по сути, сегодня превратились в субъект воздействия на международную ситуацию. Их годовой оборот составляет от 250 до 400 млрд долл. Они охраняют наркотрафик, совершают перевороты, заключают контракты с военными ведомствами... За деньги они готовы решить самые разнообразные задачи» (1).

Обратимся к примеру, связанному с государственной безопасностью России. Так, в августе 2008 г. среди военнопленных грузинской армии оказались граждане разных стран, в том числе США, но они не являлись военнослужащими вооруженных сил этих государств. Последние, как говорится, от них отреклись: мол, они сами, по доброй воле в конфликт ввязались, в частном порядке приехав в страну [2. С. 12 — 14].

И уж, конечно, их поведение никак не согласуется с известной стратегией интеграции иммигрантов [7. С. 176].

Известное выражение «кому война, а кому мать родная», похоже, могло стать девизом едва ли не самых мобильных представителей «трудовой миграции» — частных военных компаний (ЧВК). Несмотря на значительную численность, об этих «фирмах Марса» до недавнего времени мало что было известно, хотя независимые аналитики и связывали деятельность «глобальных гладиаторов» с нестабильностью и потенциальными угрозами миру [5. С. 291]. С появлением книги Рольфа Уэсселера [6] пелена завесы несколько рассеялась, но вопросы по поводу законности и характера их услуг все еще остаются. По некоторым данным, милитаризированные фирмы разрабатывают концепции безопасности и проводят анализ рисков, осуществляют военную и полицейскую подготовку в 130 странах мира.

«Зачастую фирмы, из-за боязни негативного имиджа, предпочитают называться не частной военной фирмой, а частной фирмой безопасности, — пишет Рольф Уэсселер. — Различие между этими двумя понятиями состоит в том, что принято считать, будто услуги фирмы безопасности носят «оборонительный» или «пассивный» характер, а услуги военной фирмы — «наступательный» или «активный» характер. Такая точка зрения возникла в связи с тем, что фирмы безопасности прежде всего охраняют отдельных лиц и имущество, а военные фирмы главным образом осуществляют деятельность, так или иначе имеющую отношение к войне».

Как известно, в высокотехнологичных армиях соотношение между количеством находящихся непосредственно на переднем крае солдат и количеством обслуживающего их персонала составляет 1 : 100. То есть для того, чтобы один солдат мог сражаться с оружием в руках, требуется 100 человек от повара до аналитика рисков. Поэтому столь невелико число частных военных фирм, предлагающих непосредственное участие своих сотрудников в боевых действиях («военные фирмы боевой поддержки»). Сразу за линией «фронта» в этой схеме располага-

ется вторая категория — «военные консультационные фирмы». Диапазон их деятельности — от обучения разработке стратегий до организации ведения боевых действий. Дальше от фронта находится третья категория, «военные снабженческие фирмы». Их деятельность охватывает всю сферу материально-технического снабжения — от обеспечения ресурсов до их транспортировки.

Другие модели, по утверждению Рольфа Уэсселера, дифференцируются на основе наличия или отсутствия у персонала оружия. Независимо от того, какая классификация используется, разграничительные линии остаются весьма нечеткими и довольно условными. То, что представляется оборонительным мероприятием одним, другими может расцениваться как наступательное действие.

Так, теоретическое обучение тактическим вариантам при ведении боевых действий может иметь гораздо более важное значение, нежели использование солдат в боевых действиях. А получение разведанных с помощью фирмы безопасности может иметь более разрушительные последствия, нежели снабжение военных баз вооружениями.

Даже в результате функционального анализа границы не становятся более четкими. Это связано не в последнюю очередь с тем, что деятельность таких фирм способна менять свой характер и цели в зависимости от перспектив. То, что для одной фирмы является обычной охраной объекта, для другой — это защита стратегической цели от экономического или военного противника. Впрочем, сами частные военные фирмы сделали все для того, чтобы стереть разделительные линии. В последнее десятилетие их занимал только один вопрос: как приватизировать общественное достояние «безопасность», ответственность за обеспечение которого возложена на государство [1].

Поскольку границы между частными военными фирмами и частными фирмами безопасности за последнее десятилетие стали еще более размытыми, сотрудники стокгольмского института SIPRI пришли к заключению, что однозначное разграничение между ними более не представляется возможным.

Предтечей частных военных фирм стали производственные компании, обладающие военным ноу-хау самого высокого уровня; на чью продукцию существует большой спрос. В настоящее время их персонал по всему миру насчитывает, по некоторым оценкам, 1,5 млн человек (сюда можно приплюсовать почти такое же количество наемников, осуществляющих свою деятельность вне рамок частных военных фирм, и половина из них — «дети-солдаты»). Оборот этой отрасли за 2005 г. составил примерно 200 млрд евро.

Представители частных военных фирм утверждают, что их деятельность, основанная на политической этике и способствующая осуществлению мирных миссий, является важным вкладом в дело прекращения войн и конфликтов и улучшения положения в гуманитарной сфере. Лидеры отрасли — одни из самых влиятельных лоббистских группировок в мире — объединились в Международную ассоциацию по мирным операциям. Но вот парадокс: появление этих «миротворцев» в проблемных регионах стимулирует эскалацию напряженности, переводит в острую фазу противостояния политических противников, нередко завершается

вооруженными конфликтами, что, в свою очередь, вызывает появление обильных потоков беженцев и мигрантов.

По стилю руководства и менеджмента военные фирмы существенно отличаются от наемнических формирований прошлого, но почти не отличаются от фирм других отраслей. Интерьеры их офисов похожи на интерьеры офисов фирм, занимающихся высокими технологиями, если не считать воинских символов и батальных полотен. Они формируются и управляются как сложные системы, ориентируются на новейшие экономические и маркетинговые теории, опираются на лоббирование при поиске заказов и всегда принимают решения с оглядкой на акционеров.

Многие частные военные фирмы являются сегодня глобальными игроками: они работают на самых разных заказчиков, имеют офисы во всех уголках земного шара и их деятельность осуществляется на всех континентах. Немало военных фирм относится к категории так называемых «виртуальных фирм». По разным причинам они разделили свои офисы на три части — для того, чтобы при случае иметь возможность обойти национальные законодательные положения, постановления и ограничения.

В непосредственной близости от политических центров — преимущественно в столицах государств или в их окрестностях — они имеют «лоббистский офис», в функции которого входит поиск выгодных заказов. «Оперативный офис» находится неподалеку от клиента для более эффективного выполнения задачи. «Юридический офис» располагается, как правило, в небольшом государстве или в «налоговом раю»: во-первых, чтобы экономить на налогах и скрывать счета от банков и прокуратур; во-вторых, по соображениям материальной ответственности, чтобы иметь возможность уклоняться от обратных требований гражданско-правового характера (при нарушении условий контракта); в-третьих, в целях обеспечения защиты от юрисдикции «сильных правовых государств», которые, как правило, являются для них «родиной», при нарушении уголовного кодекса, что случается довольно часто; и, наконец, в-четвертых, чтобы при необходимости иметь возможность быстро сменить «местопребывание фирмы» и тем самым уклониться от судебной ответственности.

Частные военные фирмы связаны только положениями заключенных ими контрактов и правовыми нормами соответствующей профессиональной сферы. В отличие от государственных учреждений, они не должны соблюдать какие-либо концепции безопасности — ни национальные, ни те, что вытекают из партнерских обязательств, — и выполнять предусмотренные законом государственные заказы. Они подчиняются исключительно закону спроса и предложения. Осуществляя свою деятельность на глобальном рынке и перемещаясь по всему миру, они могут не соблюдать национальные правила и ограничения, вовсе не из неуважения к законам или постановлениям, а потому, что налоги и сборы представляют для них главные расходы, а также они охотнее принимают те предложения, которые не ограничивают поле их деятельности. Такая свобода действий на мировом рынке дает им возможность разрабатывать продукты и решения, ори-

ентированные на клиентов. Их услуги представляют собой «одноразовые продукты»: следующий клиент получает другой «сделанный по мерке» продукт. Эта ориентированность на клиента и делает частные военные фирмы столь привлекательными для заказчиков.

Они предлагают быстрые и эффективные решения, заявляя: «Если у вас имеются проблемы с вооруженными мятежниками, с иностранными боевиками на вашей территории, с террористическими актами, со строптивыми профсоюзами и т.д., выписывайте чек, а все остальное сделаем мы — быстро, без бюрократических проволочек и к вашему полному удовлетворению». Или, как говорит Дуг Брукс, президент ПРОА: «Выпишите чек, и вы остановите войну». Качество решения проблемы зависит от суммы, которую готов заплатить клиент. Тот, кто может позволить себе это — государство, организация, концерн или частное лицо, — получит роскошный пакет мер безопасности.

В соответствии с экономической логикой высший принцип их деятельности состоит в том, что выручка от продажи услуг должна не только превосходить затраты, но и приносить как можно более высокую прибыль. В этом военные фирмы не отличаются от всех остальных частных компаний. Поэтому их деятельность направлена, во-первых, на минимизацию расходов и максимальное увеличение прибыли, во-вторых, на достижение определенного стандарта качества безопасности.

Этот подход демонстрируют многочисленные примеры из Косово, Афганистана и Ирака: солдаты регулярной армии докладывали, что им не хватает бензина, их плохо кормят, не стирают вовремя униформу. Новобранцы жаловались на низкое качество подготовки, что однажды привело к замене сотрудника частной фирмы на государственного инструктора. Американские средства массовой информации еженедельно сообщали о чрезмерно дорогих товарах и услугах.

Так, ЧВК брала с Пентагона 2,27 доллара за галлон бензина, тогда как в Ираке он стоил 1 доллар, 45 долларов за ящик газировки и 100 долларов за мешок белья. Кроме того, согласно документам Пентагона, та же фирма сильно зависила стоимость 10 000 обедов [8].

Подобные сообщения вызвали в Конгрессе поток запросов в адрес министерства обороны, и даже счетная палата высказала неодобрение по поводу необоснованно высоких расходов.

По утверждению некоторых аналитиков, в наблюдательных советах военных фирм заседает больше генералов, нежели служит в армиях их стран. В их штате больше аналитиков, компьютерщиков и разведчиков, чем во всех национальных спецслужбах вместе взятых. Уровень специальной подготовки во многих частных военных фирмах столь высок, что военнослужащие регулярной армии, согласно их собственным высказываниям, неспособны достигнуть его, и поэтому им приходится прибегать к услугам этих фирм. В особенности это относится к небольшим и средним национальным вооруженным силам, но с данной проблемой сталкиваются и самые крупные армии в мире... Не так давно один весьма известный чиновник Пентагона заявил: «Сегодня мы уже больше не в состоянии вести войну без частных военных фирм».

Служащие этих фирм выполняют самые разные функции. В Афганистане они ведут скрытую войну в составе военизированных формирований против талибов и направляют действия «Global Hawks» («Глобальных Ястребов»), нового подразделения ВВС США, занимающегося воздушной разведкой. На базе Гуантанамо и в тюрьмах Ирака они выступают в роли специалистов по допросам, а на Филиппинах — в роли специалистов по борьбе с терроризмом. В России они охраняют нефтепромыслы, в Колумбии борются с наркокартелями. И это лишь несколько примеров.

От наемников прошлого частные солдаты отличаются прежде всего статусом. В гражданской войне в Анголе в 90-х гг. принимали участие более 80 частных военных фирм (с обеих сторон). Они набирали персонал по всему миру: бывших «зеленых беретов» в США, бывших солдат французского иностранного легиона, бывших служащих британской SAS, бывших солдат южно-африканских спецподразделений, непальских гуркхов...

«Новые наемники» немногим отличаются от «солдат удачи» недалекого прошлого (многие из них поступили на службу в частные военные фирмы), но они являются сотрудниками фирм, которые гарантируют им не только содержание, но и юридическую защиту, заключая соответствующие договоры с правительствами, признанными мировым сообществом. Благодаря статусу служащего на них не распространяются принятые ООН, ОАП и отдельными государствами законы и конвенции в отношении незаконности деятельности наемников.

После прекращения затяжного конфликта между Востоком и Западом оставшиеся без работы миллионы профессиональных военных составили такой обширный рынок труда для сферы военных слуг, о каком представители любой другой отрасли экономики могли бы только мечтать. Для частных военных фирм не составляет никакого труда найти квалифицированных специалистов для выполнения любой мыслимой задачи, даже самой деликатной или в высшей степени рискованной.

Ключевым мотивом, который подтолкнул автора к написанию настоящей статьи, является глобальная тенденция, не обошедшая и Россию, а именно — распространение проблем безопасности (и соответствующих практик ее обеспечения) на все большее число сфер жизни, включая миграцию. Многие российские авторы связывают эти аспекты секьюритизации не столько с военным прошлым нашей страны, сколько с вовлеченностью ее в международную сферу разделения труда в области безопасности [4].

Несколько слов в порядке предварительных выводов. Во-первых, западные военные специалисты считают, что роль специализированных представителей легальной миграции — частных военизированных компаний и служб безопасности — в будущих войнах будет увеличиваться. Главную причину их растущей популярности следует искать в глобализации мировой экономической системы. Современные транснациональные корпорации, располагающие сотнями миллиардов долларов, нуждаются в защите своих интересов ничуть не меньше, чем государства.

Во-вторых, немаловажное значение имеет и то, что в современном обществе люди с усердием исполняют свои обязанности по отношению к частному работодателю. Понятие долга по отношению к государству постепенно размывается. (Это особенно ярко выражено в государствах с так называемой рыночной экономикой, где доля госсектора ничтожно мала. В таких странах массовое сознание формируют и контролируют олигархические транснациональные структуры, для которых понятия «патриотизм» и «национальные интересы» не имеют никакого смысла. — *Прим. авт.*).

В-третьих, меняется и само отношение к частным военным структурам. Если раньше они ассоциировались с мародерством и бандитизмом, то теперь это вполне легальная работа в рамках закона. Не меньшую роль в появлении такого рода фирм сыграл резкий скачок в развитии средств поражения и коммуникаций. Новые образцы кассетного и управляемого оружия, применяемого авиацией, артиллерией и ракетными комплексами, совершенно изменили ход военных действий. Доказательством чему служат военные кампании «низкой интенсивности» (терминология НАТО) на территории Югославии и Афганистана. Главным наземным компонентом этих войн, по мнению автора, стали силы специального назначения и местные «союзники». С практикой ведения боевых действий «низкой интенсивности» хорошо сочетаются частные военные компании.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Так их характеризуют, например, авторы монографии «„Приватизация“ мировой политики: локальные действия — глобальные результаты». — М.: Изд-во МГИМО(У), 2008.
- (2) Еще в 1987 г. Комиссия по правам человека ООН назначила Специального докладчика для изучения вопроса об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. В классификации ООН экспорт услуг частных военных и охранных предприятий, или ЧВОП (private military companies and private security companies или PMSC's) расценивается как серьезная угроза.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валецкий О.В.* Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и ее влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов / Под общей редакцией полковника А.В. Мусиенко. Библиотека разведчика. — М.: Арктика 4Д, 2008.
- [2] *Давыдов В.Н.* Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? // Хронос. Аналитические записки Института современной политики РУДН. — 2009. — № 1.
- [3] *Давыдов В.Н.* Этнополитические конфликты на Северном Кавказе и государственная безопасность Российской Федерации: Дисс. ... канд. полит. наук. — М.: РУДН, 2004.
- [4] *Казанцев А.А.* Расширение проблематики безопасности в политике России: секьюритизация, биополитика и новые административные практики: Монография. — М.: Проспект, 2010.
- [5] *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- [6] *Уэсселер Р.* Война как услуга / Пер. с нем. Г. Сахацкого. — М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007.
- [7] *Юдина Т.Н.* Социология миграции. — М.: РГСУ. Академический проект, 2006.
- [8] The Boston Globe. — 2005. 20.07.
- [9] URL: www.rian.ru/trend/moscow_disturbances_football_fan_11122010

MIGRATIONAL ACTIVITY AS THE INDICATOR OF SOCIO-POLITICAL INSTABILITY

P.G. Savina

The Department of Political Science
Russian People's Friendship University
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The author points to the global factors of the politico-social circumstances in the countries of origin laden with the economic recession and international armed conflicts. We can retrace objective laws of the main streams' formation of the population's spatial mobility under the influence of external adverse circumstances. The aim of the article is to develop recommendations for the administrative structures responsible for decision-making in the sphere of migration control.

Key words: migration, migrants' adaptation, instability, globalization, private military firms, confrontation, armed conflict, reconciliation.